

Взоры двух мужчин столкнулись в воздухе, искры будто вспыхнули со звуком. Мин Джун, напротив, ощутил удивительное спокойствие. Лгать он умел плохо, и этот вопрос был для него даже облегчением.

— Я очень труслива. Даже червяка в руки не возьму, от вида крови теряю сознание. Но если кто-то захочет причинить зло Томе или Дайки, я найду в себе смелость встать перед ними.

Сильнее всех от этих слов удивился сам Дайки. Он внимательно смотрел на красивый профиль Мин Джуна, будто проверяя искренность. Шинпей тоже долго вглядывался, а потом разразился громким смехом.

— Ну, а впечатления? — вдруг спросил он.

Мин Джун только через несколько секунд понял, что речь о чае. Он мягко улыбнулся:

— Очень сладкий.

Дайки, как и обещал, не отходил от Мин Джуна. Шинпей, хоть и был именинником, не любил подобные собрания, поэтому, ответив на поздравления, покинул зал. Тома хотел остаться, но, повинуясь деду, помахал маме рукой.

Красавицы в пышных кимоно проходили мимо, бросая взгляды Дайки, но подойти к нему никто не решался. Даже пожилые капо, изредка подходившие поздороваться, получали лишь короткий кивок в ответ, и никто не смел приблизиться к Мин Джуну.

Пока Дайки осушал бокал за бокалом, Мин Джун держал свой бокал белого вина у губ, но так и не сделал ни глотка.

— Один бокал можно выпить. Если уверен, что не начнёшь буянить, — заметил Дайки.

— Буянить? Почему вы вдруг... это сказали?.. — растерянно пролепетал Мин Джун.

Мин Джун, как обычно, когда слова уже готовы были сорваться с языка, быстро огляделся по сторонам и сменил тему:

— Говори просто, как удобно. По крайней мере, со мной. Но, похоже, ты что-то вспомнил, да?

Дайки посмотрел на Мин Джуна сверху вниз и прикрыл покрасневшее лицо рукой. Вокруг послышался ропот. Холодный и бесстрастный молодой босс Камияма Дайки, который вдруг при всех гладит девушку по щеке, — такое редко кто мог увидеть. Все смотрели во все глаза, не веря своим глазам. Их слов, конечно, никто не слышал.

— Тогда тоже личико у тебя было что надо.

— Замолчите. Я вообще ничего не помню. Ничего не слышу, ничего не слышу, ничего не слышу.

— Ладно, понял. Но хоть бокал выпей.

— Нет.

— Почему?

Мин Джун снова слегка огляделся и шепнул едва слышно, чтобы только Дайки понял:

— В туалет будет трудно выйти, так что потерплю. Даже дома воды ни глотка не пил.

Услышав это, Дайки слегка нахмурился и потянул Мин Джуна за щёку:

— Пей. В главном доме всё ещё есть моя комната.

— Не хочу. Вы когда-нибудь надевали женское кимоно? Знаете, насколько оно неудобное? Дышать невозможно.

В этот момент подошёл Хакуто и что-то шепнул Дайки на ухо. Тот только цыкнул: «Ну, что ж поделать», и нехотя бросил взгляд на Мин Джуна.

— Нужно ненадолго отлучиться.

— Куда вы?

«Что за... сам говорил, что будет рядом и не оставит меня одного, босс, чёртов!» — Мин Джуна охватила паника. Мужчины — полбеды, но женские взгляды, жадные, как у гиен, пугали его сильнее всего. Казалось, стоит Дайки уйти, и они набросятся.

— Ненадолго. Один из старших, ещё при деде служил, приболел, но всё же пришёл. Надо лишь поздороваться.

— Ладно. Только приветствие, да? Я тут подожду.

— Хорошо. Ицуки, останься здесь.

— Есть.

Мин Джун следил за удаляющимся Дайки, тревожно ёрзая, словно щенок, потерявший хозяина.

— Почему он не возвращается?

— Он ушёл меньше минуты назад, — спокойно ответил Ицуки.

— Разве уже не пора?

— Вы ведь шутите?

— Это похоже на шутку?

Мин Джуну казалось, что минута длится час. Он всё смотрел туда, куда ушёл Дайки, не находя покоя.

— О, наконец-то ты одна, — неожиданно раздался за спиной звонкий голос.

Мин Джун чуть не рухнул навзничь в кимоно. Если бы упал — зрелище было бы ещё то. Мужчина в белом смокинге с серебряной бабочкой, яркий, словно сам праздник, словно обнял его за спину. Лицо Ицуки в тот миг окаменело. Он заслонил Мин Джуна и поклонился в пояс.

— О, Ицуки. Давненько. Хорошо боссу служишь?

— Да.

— А ну-ка, в сторону!

Мужчина улыбался, но глаза оставались холодными. Голос звучал как приказ. Ицуки поднял голову, но не двинулся, продолжая стоять стеной. Тогда мужчина презрительно скривил губы, протянул руку и выхватил у Мин Джун бокал.

— Ицуки, у госпожи Юрии вино остыло. Ступай, принеси свежее. И мне тоже.

Ицуки не шелохнулся. Взгляд мужчины стал опасным. Мин Джун испугался, что Ицуки может пострадать, и тихо сказал:

— Всё в порядке. Сходите, принесите господину вина.

Тот замешкался, но всё же ответил:

— Вернусь, как ветер.

Поклонился мужчине и нехотя отошёл.

— «Как ветер», тьфу. Здравствуй, я Таичи Камияма. А ты, должно быть, Шимидзу Юрия. Буду звать тебя просто Юрия-тян.

«Вот же он, тот самый бабник! Чёрт... делать вид, что не знаю».

— Юрия-тян, — дружелюбно произнёс Таичи, будто они знакомы десять лет.

«Тян, тьфу, солёный ты огурец. Исчезни уже». Мин Джун лишь молча смотрел.

— Там, в коридоре, тебя искал Тома. Я вызвался привести.

— Тома? Странно. Он же должен быть с дедом.

Мин Джун, услышав имя мальчика, невольно заговорил.

— Может, маму захотел увидеть?

Да, Тома мог бы так поступить. Мин Джун встревожился. Уже восемь, к девяти он обычно ложился спать. Вдруг он устал и вышел искать его?

— В каком коридоре?

— Вон там, — показал Таичи на длинный проход к жилым покоям.

Мин Джун, насколько позволяли шаги в кимоно, поспешил туда. И только дойдя до тишины, где голоса уже не доносились, понял, что Таичи его обманул.

— Ты меня обманул? — холодно взглянул он.

— Там слишком шумно для разговора.

— Я возвращаюсь.

Мин Джун резко сказал и попытался пройти мимо. Но Таичи схватил его за руку. Сила была такая, что вырваться он не смог.

— Отпусти.

— Какая у нас благовоспитанная леди. Или это лишь маска? Не смотри так свирепо. Всего лишь немного поболтаем.

— Мне не о чем с тобой говорить. Не отпустишь — закричу. А я ведь до второго класса старшей школы занимался вокалом. Если крикну — крыша задребезжит.

— Ух ты, страшно. Ну а я тогда просто заткну эти твои соблазнительные губы. Ты же этого добиваешься?

— Проваливай. Пока я не вцепилась зубами в твою руку.

— Знаешь, настоящая мать Тома была обычной женщиной. Родила его, а вскоре её убили люди из Осакской группировки Соуске. С тех пор Дайки больше не любит простых женщин. Он сошёл с ума. Не знаю, зачем он держит тебя рядом, но его ты никогда не получишь. Он бросит тебя, как надоевшую игрушку.

Удар молнии пронзил сердце Мин Джун. Тысячи игл вонзились в грудь, дышать стало невозможно. Он зажмурился. Смутно догадывался, что у Дайки есть прошлое, но не представлял — такое. А ведь она была матерью Тома. Мин Джун медленно открыл глаза.

— Возможно, рана ещё не затянулась. Но сейчас я рядом с ним. И твои слова для меня — пустота.

— Ну, не знаю. В глазах твоих сомнение. А что если придёшь ко мне? Я бы сделал тебя своей любовницей, холил бы и лелеял.

Мин Джун не выдержал и ударил Таичи по щеке. Он ощутил острую боль даже во рту, сплюнул, а потом молнией схватил его за талию и за лицо.

— Ручки-то у тебя тяжёлые. Но мне нравятся такие, как ты.

Его лицо стало приближаться. Мин Джун дёргался и закричал:

— Уберёшь морду, селёдка ты блестящая? Скажу всё Дайки! Пока он тебя не зажарил на углях, убери рожу! Дайки!..

В тот же миг сильная рука вырвал его из объятий Таичи. Едва переведя дух, Мин Джун оказался уже в других объятиях. Дайки сжимал запястье Таичи.

— Моего терпения хватает ровно на три секунды, — его голос ударил, словно плеть.

— Чёрт, понял я. Хотел всего лишь поболтать.

— Таичи, — сдавленный голос Дайки снова хлестнул, словно удавка.

— Сказал же, понял.

Таичи, поправив складки на смокинге, вышел из комнаты. Дайки грубо поднял Мин Джун, который всё ещё тяжело переводил дыхание от испуга, и заставил его посмотреть прямо на себя.

— Ты не можешь просто спокойно сидеть? Или тебе понравилось идти за ним?

Его голос ударил Мин Джуна прямо в грудь. «Понравилось идти за ним?» — от этих слов у Мин Джуна защемило сердце. Он винил себя во всём: и в том, что незаметно для себя безумно влюбился в Дайки, и в том, что с бесстыдной мыслью «а вдруг получится» стал для Томи мамой, а теперь уже не мог жить без этого ребёнка, и в этой проклятой материнской привязанности. Всё это его вина. Но услышать такие слова от Дайки он не заслуживал.

Мин Джун резко стряхнул руку Дайки и выкрикнул:

— Да, я пошёл за ним, потому что он мне нравится! И что с того? Он куда больше в моём вкусе, чем ты! Разве я не могу просто пойти за тем, кто мне нравится?!

Закричав, Мин Джун тут же опустил голову. Смотреть на лицо Дайки было невыносимо. В тот же миг он услышал, как будто что-то оборвалось. Подняв голову, он увидел, что Дайки крепко схватил его за руку и стремительно повёл куда-то.

— Куда мы идём? — Мин Джун едва поспевал за его быстрым шагом в лёгких тапочках. Несколько раз он чуть не споткнулся о подол кимоно. Каждый раз сильная рука Дайки грубо удерживала его, и Мин Джун вынужден был почти волочиться за ним.

Они дошли до какой-то комнаты. Дайки втолкнул Мин Джуна внутрь.

— Больно! Отпустите руку! — Мин Джун попытался вырваться и ударил его кулаком в грудь. Но Дайки лишь рывком притянул его ближе, прижал так, что между ними не осталось ни сантиметра. Сердце Мин Джуна забило как сумасшедшее.

— Что значили твои слова деду?

— Я... я не знаю. Не помню! — растерялся Мин Джун, отводя взгляд.

— Правда? Тогда спрошу ещё раз. Тот тип — твой вкус?

— Я не знаю... Этого я тоже не помню.

— Так? Тогда я напомню тебе.

Прежде чем Мин Джун понял смысл сказанного, чьи-то большие руки схватили его за волосы и резко потянули вперёд. В следующую секунду разъярённый Дайки накрыл его губы.

Он осознал, что происходит, только когда почувствовал, как яростный язык, будто рог разъярённого зверя, врывается в рот и лишает его дыхания, выметая каждый уголок. Автоматически перехватило дыхание. Мужской, густой феромон Дайки оглушил его обоняние. Тот жадно оплёл язык Мин Джуна своим и резко втянул его внутрь.

Тело будто оторвалось от земли, сознание стало ускользать. Мин Джун не мог избежать этого поцелуя, не мог оттолкнуть его. И разве хотел? Это были губы, которых он так отчаянно ждал. Сдерживая слёзы, он сам стал отвечать, всё более страстно уступая жадному поцелую Дайки.

— М-мф... Ах... м-мм... — их языки снова и снова переплетались, выходили наружу и возвращались в глубину рта. Даже мягкий язык Дайки ощущался властным и напористым.

Наконец оторвавшись от его губ, Дайки тяжело дыша скользнул рукой по обнажённой из-под кимоно шее Мин Джуна и с силой втянул в себя его нежную кожу, оставив красный след.

— Не смей меня раскачивать.

— Я никогда этого не делал.

— Ты сам для меня — как ветер, как искушение.

<http://bllate.org/book/12398/1105532>